

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**ПОСЛЕДНИЙ
ДЕСАНТНИК**

Сергей Иванович Зверев

Последний десантник

Серия «Спецназ ВДВ»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2522905

Последний десантник: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-52176-0

Аннотация

В одной из среднеазиатских республик произошел переворот. Оставшийся не у дел президент пытается во что бы то ни стало вернуть власть. Для этого он с помощью преданных ему людей разжигает междоусобицу между «северянами» и «южанами», рассчитывая на волне братоубийственной войны вновь подняться на вершину власти. На него работают – за щедрую плату – провокаторы и террористы всех мастей. Нападениям подвергаются и российские миротворцы. Для борьбы с пособниками бывшего президента в республику прибывает майор спецназа ВДВ Андрей Лавров со своей группой. А если легендарный Батяня снова в деле, у его врагов шансов нет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	54
Глава 7	62
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Зверев

Последний десантник

Глава 1

Удар! Еще удар!

Высокий атлет в спецназовской куртке нахраписто наседал, его противник – немолодой сероглазый брюнет в десантном тельнике – умело оборонялся. Атлет размахивал резиновой милицейской дубинкой, брюнет был без оружия. Тем не менее ни единый удар дубинкой не достигал цели. Прямые замахи умело блокировались, а от самых коварных сероглазый уходил при помощи отточенных обманных движений. Однако по всему было видно, что десантник уже сильно устал, а вот его враг выглядел свежим и энергичным.

Дрались в темной тесноватой комнате без мебели, и это лишало бойцов свободы маневра. Атлет наседал все уверенней. Он сумел изловчиться и нанести сильнейший удар в голову противника. Тот отлетел к стене, на мгновение потерял сознание, но тут же пришел в себя... Руки и ноги словно бы налились жидким оловом. В голове поплыл противный гул, во рту сделалось солоно и гадко.

Сероглазый брюнет стоял, прижавшись спиной к стене, глядя, как противник собирается его добить. Он мог ударить

и дубинкой, и кулаком, и ногой, и дать «бычка» лбом. Атлет отошел на шаг назад и, совершенно уверенный в своей победе, отбросил дубинку. И в этот момент сероглазый некстати моргнул. Его глаза были закрыты всего на какое-то мгновение, но в это время он ощутил, как по его лицу скользнула тень и прямо в его лицо летит страшный кулак...

Не меняя положения ног, мужчина в десантном тельнике чуть присел, развернулся корпусом и слегка отстранился в сторону, пропуская дробящий удар мимо своего лица. Кулак просвистел в миллиметре от головы, рукав черной куртки хлестанул по щеке, и тут же рядом с его ухом кулак впечатался в стену. Атлет взвыл, потерял равновесие, и этого было достаточно, чтобы сероглазый успел-таки нанести точный и болезненный удар коленом в промежность нападавшего. Тот вскрикнул, присел и инстинктивно прижал руки к месту, где сходятся ноги. А сероглазый, сцепив обе кисти в замок, вознес их и врубил атлету по загривку. Тот охнул, упал на колени и тут же получил еще один удар ребром армейского берца по шее. Затем – резко, с оттягом, – ногой по ребрам...

Атлет захлебнулся в хрипе, изо рта потекла жидкая розоватая пена, и он затих. Сероглазый взглянул на него то ли с сожалением, то ли с укором. Осмотрелся, осторожно открыл дверь – там никого не было... Взглянул на часы: на выполнение задания у него оставалось еще чуть более ста двадцати минут. Теперь вроде бы никто и ничто не могли ему помешать.

Сразу за дверью начиналась истертая металлическая лестница с перилами из сварной арматуры. Тусклые лампы желители в зарешеченных стеклянных цилиндрах. По стенам змеились черные кабели. В углах зловеще поблескивала паутина.

Лестница вывела его на цокольный этаж, располагавшийся ниже уровня пола метра на три. Мужчина в тельняшке осторожно открыл дверь. Простенок до потолка занимали блоки аппаратуры со стрелками, делениями и верньерами. В тусклом свете желтого фонаря поблескивали эбонитовые плоскости допотопной, еще советских времен, рации. Рядом, на крючке, висели наушники и, казалось, тревожно попискивали. На длинном столе возвышался телефонный коммутатор. В углу стоял огромный металлический шкаф, который теперь предстояло вскрыть. Мужчина в десантном тельнике шагнул к сейфу, прикидывая, чем удобней курочить замок.

И в этот момент из-за спины неожиданно послышался возглас:

– Все, все, майор, хватит! Молодец, восхищен!

Сероглазый обернулся и тут же инстинктивно выпрямился. Перед ним стоял невысокий седоватый мужчина в форме генерал-лейтенанта ВДВ, лицо которого было хорошо знакомо каждому десантнику. Удивительно, но, вопреки своему обыкновению, теперь генерал был один, без свитских.

– Товарищ главком воздушно-десантных войск! – отчеканил сероглазый. – Гвардии майор Лавров...

– Вольно, – улыбнулся генерал. – Давно не видел такой образцовой сдачи норматива. Честно говоря, и не думал, что выполнишь. Ты, Лавров, почему до сих пор в майорах-то засиделся? Со строевой, что ли, проблемы?

– Никак нет, товарищ генерал, – едва заметно улыбнулся Лавров и немного замешкался. – Со строевой у нас в ВДВ всегда и все в порядке.

– Так в чем же дело?

Лавров смущенно кашлянул в кулак.

– В армии надо иметь вид виноватый и придурковатый. А начальство считает, что я слишком уж принципиальный; к тому же у меня недостаточно эластичный прогиб спины.

– Ладно, приводи себя в порядок и отдыхай, – кивнул главком. – Трех дней хватит? Возможно, ты мне еще понадобишься...

* * *

Норматив, который сдавал гвардии майор Андрей Лавров, известный среди десантников как Батяня, считался весьма сложным даже для той элитной части ВДВ, где он служил. Предстояло ночью десантироваться на незнакомой местности, отыскать в лесу одиноко расположенное здание, незаметно туда пробраться и найти несгораемый шкаф с бумагами. Шкаф следовало незамедлительно вскрыть, а документы – забрать с собой. При этом десантника могли поджидать

любые, самые неожиданные неприятности. Оружие – как огнестрельное, так и холодное – иметь при себе категорически запрещалось. Зато позволялся полный боевой контакт с условным противником. Противник, конечно же, тоже получил разрешение на такой же контакт.

На сдачу норматива отводилось ровно сорок восемь часов.

Неприятности начались с самого начала. То ли пилоты получили неправильные данные, то ли намеренно сбились с курса, но майора Лаврова выбросили на парашюте километрах в десяти от нужного объекта. Район выброски оказался болотистым, малолюдным, и потому никто не заметил парашютиста. Десантник сориентировался в ситуации с профессиональной быстротой. Сперва, как и положено по инструкции, закопал парашют. Затем по системе спутникового наблюдения определил, где он находится. Потом проложил кратчайший и безопаснейший маршрут к искомому объекту...

Путь к этому объекту занял шестнадцать с половиной часов. И не только потому, что местность была заболоченной и лесистой. Буквально через полчаса после выброски он услышал за спиной лай собак и тревожные армейские команды. Это означало, что поисковая группа условного противника уже идет по его следу. Единственным спасением от собак была вязкая топь, в которой все следы и запахи начисто пропадают. Пришлось до самого вечера отсиживаться в жидкой

торфяной трясине, по пояс в воде. Умело замаскировавшись среди камышей, диверсант наблюдал редкую цепь солдат, прочесывающих берег. К счастью, собаки не учуяли его запаха (ветер дул от берега), да и их проводники наверняка бы побоялись лезть в вечернее время в болото. Преследователи пошли по берегу дальше, и это позволило офицеру-десантнику к утру выйти на берег с противоположной стороны болота.

Но и тут его ждала досадная неожиданность. Видимо, командир поисковой группы оказался не из глупых и понял, куда исчез беглец. А потому быстро сообразил, где находится единственное приспособленное для выхода из топи место. На берегу, за чахлыми кустиками, майора ждала засада: проводник с овчаркой. Несомненно, к утру сторож продрог и к тому же явно не ожидал появления тут разыскиваемого. Это сыграло десантнику на руку. Проводника он грамотно вырубил, а вот с собакой пришлось повозиться...

Пес был злобным, хитрым и очень опытным. Оставшись без проводника, он не растерялся, а чуть отступил в кусты, оскалил желтые клыки, поджал хвост и прижал уши. Карие, с желтыми крапинками глаза с ненавистью смотрели на человека. Перламутрово-розовый язык нервно подрагивал. Овчарка неотрывно следила за десантником, готовая броситься на него и вцепиться в горло в любую секунду. Лавров, не отрывая глаз от пса, медленно присел, взял хэбэ лежавшего без движений проводника и приподнял его левой рукой, удерж-

живая на весу. Это полностью дезориентировало пса. Он явно не понимал действий человека. Диверсант чуть отступил назад, как бы предлагая атаковать себя. И тут овчарка не выдержала и бросилась на диверсанта. Длинное тело на мгновение, казалось, зависло в воздухе, и в этот момент Лавров сильно стеганул хэбэ по морде собаки. Мгновение – и удар армейским берцом свалил овчарку наземь. Пес болезненно заскулил, и следующий удар окончательно его обездвижил.

Справившись по спутниковому навигатору, десантник определил, что конечный пункт назначения находится совсем рядом. «Объект», куда Лаврову необходимо было проникнуть, выглядел весьма загадочно. Это было одиноко стоящее сооружение за высоким металлическим забором – что-то среднее между элитным охотничьим домиком и небольшим командным пунктом. Домик, удачно вписавшийся в лесной пейзаж на полянке между сосен, выглядел почти неохраняемым – не считая часового, маячившего у входа.

Как и положено в подобных случаях, сперва Лавров выбрал удобную позицию. Отдохнул, обсушился, перекусил. Заодно изучил время смены часового, а также все сопутствующие моменты: подъезжающие и отъезжающие машины, выходящих и входящих людей...

Удивительно, но ни машин, ни людей рядом с домиком не наблюдалось. Свет в окнах тоже ни разу не зажегся. И это настораживало. Казалось, задача очень простая, но опытный майор ВДВ прекрасно понимал, что это простота обманчива.

Если бы странное сооружение охранял взвод тренированного спецназа, а рядом бы стояла БМП, диверсант почувствовал бы себя легче. Сам часовой менялся через каждые два часа, притом его сменщик появлялся из самого домика, а часовой уходил вовнутрь. Это означало: в странном строении могло находиться сколько угодно людей – хоть несколько десятков.

Дождавшись ночи, Лавров с предельной осторожностью подобрался к забору с противоположной от входа стороны. Осторожно подсветил двор фонариком. Округлая пластиковая коробочка, едва различимо блестящая у фундамента странного дома, наводила на мысль о сигнализации. Десантник отыскал еловую шишку и бросил ее через забор. Его слух тотчас же уловил негромкий, но резкий звук сирены. Во дворе неведь откуда появилось двое мужчин в камуфляже без знаков различия, и Лавров метнулся за дерево. Было очевидно: вся территория двора контролировалась чуткими датчиками, срабатывавшими от прикосновения постороннего предмета.

Задача проникновения в здание выглядела не из легких, однако майор Лавров, поразмыслив, понял, что и она разрешима. Спустя час он отыскал в лесу длинную и очень прочную жердь. Дождался утра, когда внимание часового наверняка ослабнет. Осторожно, стараясь не привлекать к себе внимания, приблизился к забору с тыльной стороны дома, перекинул жердь от забора к крыше и с удивительной лов-

костью взобрался наверх. Не без труда снял шиферный лист с кровли и, стараясь не шуметь, спустился на чердак. Действовать следовало быстро и четко: жердь, лежавшая между забором и крышей, могли обнаружить в любой момент. Лавров понимал: на чердаке наверняка есть люк, через который и можно было попасть вниз. Оставалось лишь надеяться, что люк этот находится над безлюдным помещением...

Говорят, смелым всегда везет. Повезло и Андрею. Под люком оказалась небольшая темная комнатка, заставленная каким-то радиотехническим хламом. Спустившись на альпинистском шнуре, который входил в комплект десантника, диверсант осмотрелся и обнаружил запертую дверь. За нею слышались мужские голоса, и по коротким репликам неизвестных Лавров понял, что его появления тут наверняка ожидают. Но, безусловно, не сию секунду.

Времени на размышления не оставалось... Выбив дверь ногой, десантник хуком вырубил одного из охранников, сбил с ног другого и тут же его оглушил. Связал руки ремнями, сунул в рты кляпы. И тут очень некстати появился тот, третий, с милицейской резиновой дубинкой...

...Спустя несколько часов все трое поверженных охранников и майор Лавров мирно сидели за столиком. Атмосфера была дружеская: недавние противники выпивали, закусывали армейской тушенкой и неторопливо обсуждали недавно сданный десантником норматив.

– Вы сами откуда, ребята? – поинтересовался десантник. –

Если, конечно, не секрет.

– Из спецчастей охраны РВСН, – ответил атлет, который еще недавно размахивал дубинкой. – «Раковые войска», шахты с баллистическими ракетами в тайге сторожим, чтобы супостаты не украли. Нас самих из Сибири сюда командировали. Сказали: вот вам объект, по нему и работайте. А чтобы вам спокойней жилось, поставили продвинутую сигнализацию с датчиками прикосновения. Пообещали, что тебя по дороге сюда спецназ внутренних войск наверняка за задницу возьмет. На все это и понадеялись. Странно, что ты и от вэвэшников ушел, и сигнализацию сразу просек... Будем считать, что случайность.

– У нас в ВДВ любые случайности исключены, – серьезно ответил майор Лавров.

Налили, чокнулись, выпили, закусили. Затем выпили за ракетные войска стратегического назначения. Потом за спецназ. Потом – просто так, безо всяких тостов.

– Слушай, у нас тут все о будущем сокращении армии говорят, – вздохнул атлет, то и дело потирая ушибленную руку. – И все у нас в трансе. Прикинь, у меня отец – кадровый военный, рассказывал, что такое и при Хрущеве было, тогда миллион кадровых офицеров сократили. В то время целые бригады из бывших военных на стройках работали: каменщики, бетонщики, плиточники... Смотри, майор, попадешь ты под сокращение – куда со своими редкими навыками пойдешь?

Лавров с сосредоточенным видом допил водку, закусил тушенкой, вытер губы салфеткой и внимательно взглянул в лица собеседников.

– Вряд ли нас сократят, – молвил он. – Как ни крути, а десантура всегда, при любом раскладе нужна. Или я не прав?

* * *

Прямое, как стрела, шоссе перечеркивало изумрудно-зеленый луг. Армейский «уазик» неторопливо катил по разогретому солнцем асфальту. Молодой водитель старательно объезжал выбоины. Сержант из контрактников то и дело поглядывал через плечо на Лаврова – тот тихонько подремывал на заднем сиденье.

Ехали молча. Лишь спустя полчаса молодой, взглянув в обзорное зеркальце на дремавшего командира, тихонько спросил у сержанта:

– Слушай, а почему нашего майора все Батяней называют?

– Потому что он и есть для всех нас как отец родной, – с явным уважением отозвался тот. – Строг, но справедлив, за своих глотку любому порвет. А вообще, салага, ты еще настоящей службы не нюхал. Скоро сам все узнаешь и поймешь.

Доехав до перекрестка, «уазик» скрипнул рессорами и свернул на почти что пустынное шоссе. Слева и справа простирались весенние зеленые поля. Цветущие сады радовали

буйством красок. До небольшого гарнизона ВДВ оставалось не более получаса езды.

Неожиданно за поворотом возникла странная фигура. Рослый молодой человек в форме воздушно-десантных войск призывно голосовал. Несомненно, десантник был пьян: резкие движения, не по-уставному расстегнутое хэбэ, сбитый набок берет... Водитель «уазика» на всякий случай взял влево и увеличил скорость, но голос майора Лаврова, неожиданно прозвучавший сзади, заставил его вздрогнуть.

– Отставить! Задний ход!

– Мужики! – десантник судорожно рванул на себя дверку. – У меня построение в шесть вечера! Подвезите, а?

Меньше чем через минуту пьяный десантник сидел рядом с Батяней. Едва попутчик взглянул на Лаврова, как на лице его проявилось виноватое выражение. Хмель мгновенно слетел с нарушителя дисциплины, он узнал Батяню, заерзал на истертом сиденье – словно бы хотел уменьшиться в размерах. Майор мельком взглянул на милицейский погон, зажатый в руке пьяного подчиненного, но никак не прокомментировал увиденное.

– Давай побыстрее в часть, – Лавров легонько тронул плечо водителя. – У нас действительно в восемнадцать ноль-ноль построение... Вон, видишь? Поворот на лесной проселок. По нему и поезжай, успеваем.

Машина послушно свернула на неширокий проселок. Хвойный лес по обе стороны пути выглядел на редкость

хмуро и неприветливо: поваленные стволы деревьев, темные гнилые пеньки, подернутые, словно плесенью, ярко-зеленым мхом, непроходимые заросли малины и орешника. Под протекторами сухо шуршала трава, хрустел валежник, низкие ветви деревьев то и дело царапали брезентовую крышу. Пьяный десантник то и дело испуганно косился на командира, однако взгляд майора Лаврова оставался спокойным и непроницаемым.

«Уазик» прибыл как раз за минуту до начала вечернего построения. Личный состав уже стоял на плацу. Выйдя из машины, майор сделал приглашающий жест пьяному.

– Товарищи десантники! – повысил голос майор и выразительно посмотрел на недавнего пассажира. – Перед вами – образцовый боец воздушно-десантных войск. Да, он ушел в самоволку, даже не удосужившись переодеться в гражданку. Да, он нажрался, как последняя свинья. Да, он подрался с ментами... но при этом не посрамил честь ВДВ, – Лавров продемонстрировал перед строем оторванный милицейский погон. – Но при этом даже в таком скотском состоянии он прекрасно понимал, что ему следует во что бы то ни стало прибыть на вечернее построение, чтобы не нарушить Устав. Боец! – Батяня выразительно взглянул на нарушителя. – За образцовое отношение к службе объявляю вам благодарность. За самовольное оставление части и неуставный внешний вид – десять нарядов вне очереди. Вопросы есть? Выполнять!..

Майор Лавров позволил себе немного расслабиться лишь после отбоя. Улегся в кровать, взял с книжной полки первую попавшуюся книжку... Читать не хотелось: буквы расплывались, прыгали перед глазами, и десантник решил перед сном посмотреть телевизор.

Передавали последние новости. В мире по-прежнему было неспокойно. Афганские талибы взрывали себя на многолюдных рынках. В Палестине одни фанатики стреляли в других. В Центральной Африке произошел очередной военный переворот...

Последняя новость почему-то особо привлекла внимание Батяни. В одной среднеазиатской постсоветской республике, где сравнительно недавно был свергнут президент-диктатор, вновь начинались массовые беспорядки. Огромное количество беженцев с юга республики, спасаясь от погромов, устремилось на север. Северяне традиционно не любили южан; к тому же в этой нищей стране не было вдоволь ни продовольствия, ни медикаментов, ни работы. Грядущая гуманитарная катастрофа усугублялась вероятными кровавыми погромами. А ведь такое уже неоднократно случалось в той стране...

Несомненно, очередные беспорядки были спровоцированы бежавшим президентом, уроженцем юга республики, —

ведь его скрытые сторонники все еще имели там немалый вес. Судя по сообщениям телевизионного комментатора, в столкновениях могло пострадать и местное русское население.

Уже выключив телевизор, майор почему-то подумал: а ведь главком ВДВ не зря сказал ему недавно: «Возможно, ты мне еще понадобишься...» Как знать – может быть, следующая служебная командировка предстоит именно в Среднюю Азию?

Глава 2

– Только взгляните на этих скотов! – Водитель грузовика презрительно сплюнул в окно. – Грязные шакалы, даже смотреть на них не хочется! Если бы вы меня не попросили – никогда бы этой дорогой не поехал!..

Пассажир грузовика, худощавый брюнет с сухим скуластым лицом, пристально взглянул на обочину горного шоссе. Вдоль дороги, на обломках камней, расположилась живописная группа женщин с маленькими детьми. Длиннополые халаты, широченные азиатские шаровары, нательные рубахи, именуемые тут «койнек», удивительным образом сочетались с ватниками, тулупами и кирзовыми сапогами. При появлении грузовика чумазые дети стремглав бросились к кабине, протягивая руки, – мол, дайте хоть чего-нибудь!

Водитель резко нажал на тормоз и, посигналив, взял чуть левее, чтобы не раздавить попрошаек.

– Беженцы? – уточнил пассажир.

– Ага, с юга. Когда у нас тут на узбекской границе погромы начались, эти к нам, на север, перебрались. Видите юрты? Это их лагерь. Уже четвертый месяц тут сидят...

Скуластый достал из нагрудного кармана мятую пачку сигарет и предложил водителю.

– Ого... – Водитель внимательно взглянул на пачку. – Вы, наверное, издалека к нам приехали?

– Вообще-то я тут родился, – пассажир закурил, протянул зажигалку собеседнику. – А работаю очень далеко отсюда... В одной международной гуманитарной организации, если интересно.

Алое солнце медленно переваливалось через заснеженный срез гор. Грузовик, натужно постукивая стареньким двигателем, лез вверх, к перевалу. Руки водителя уверенно крутили руль. Глядя на серпантин, шофер то и дело косился на пассажира.

Они познакомились два часа назад, на выезде из столицы. Пассажир, стоявший у джипа с открытым капотом, энергично голосовал. За то, чтобы подвезли до перевала, он предложил целых сто долларов. И хотя в этой среднеазиатской стране не принято брать деньги с попутчиков, водитель грузовика не смог отказаться: ведь сотня баксов – это его полуторамесячная зарплата.

– А я вижу, у вас тут беженцев не очень-то любят. – Пассажир стряхнул пепел с сигареты в окно.

– Самим есть нечего, – с готовностью отозвался водитель. – А эти – только попрошайничают да воруют... Хорошо еще, если без оружия. В случае чего держитесь от них подальше. Им может понравиться ваша куртка. Или часы. Или мобильник. Или не понравится ваше лицо. Если честно – при мысли о заглохшем двигателе у меня все холодеет внутри. Вон, еще в начале лета мой приятель вез фрукты, ось полетела, пришлось остановиться. Милиция нашла его

на следующий день со сломанной ключицей, переломанными ребрами и разбитой физиономией. И без копейки денег в карманах. Хорошо еще, что жив остался...

– Скажите, пожалуйста, – в голосе пассажира неожиданно послышались заговорщицкие интонации. – А когда вам лучше жилось? При прежнем президенте... или сейчас?

Водитель поперхнулся сигаретным дымом. Вопрос явно был не из легких. Предыдущий президент этой среднеазиатской республики был свергнут несколько месяцев назад. Впрочем, во всем цивилизованном мире «президентом» его почти что не называли. «Диктатор», «сатрап», «средневековый деспот» – именно такими словами определяли его почти все мировые средства массовой информации. Находясь во главе государства целых шестнадцать лет, он умудрился не только полностью развалить довольно крепкую экономику, но и загнать народ в средневековье. Мало кто решался на открытый протест: в стране свирепствовали «эскадроны смерти», которые хватали неугодных и казнили их без суда и следствия.

Но все имеет свой предел. В результате недолгого, но кровавого противостояния народа и ОМОНа диктаторский режим пал. Свергнутый президент запросил помощи у руководства Российской Федерации. Однако там весьма откровенно дали понять: с этим политическим банкротом никто из руководства России никаких дел иметь не желает. В результате в стране было сформировано временное прави-

тельство, а свергнутый руководитель страны позорно сбежал вместе со своей камарильей.

По непроверенным слухам, он нашел временное пристанище в одной из ближневосточных стран, где лелеял планы на возвращение. Межнациональные конфликты, то и дело будоражившие народ, были ему только на руку. Так же как и разделение страны на традиционно богатый светский север и бедный исламистский юг, и многочисленные беженцы – как, например, вот эти, с узбекской границы... Правда, точное место жительства диктатора никому не было известно: его преступлениями уже деятельно занимался Международный трибунал в Гааге, и руководство Российской Федерации много бы отдало, чтобы спровадить его на скамью подсудимых.

– Так когда лучше жилось – при прежнем президенте или сейчас? – повторил вопрос пассажир.

– Наверное, все-таки сейчас лучше живется, – поразмыслив, признался водитель грузовика. – Да, нам все еще трудно. Зарплаты маленькие, работы мало, беженцы эти с юга к нам понаехали... Зато теперь мы никого не боимся. Ничего – заживем еще!

– Ну-ну, – хмыкнул пассажир не то одобрительно, не то осуждающе.

Впереди вырастали острые заснеженные вершины. В перспективе шоссе замаячил небольшой горный аил, за которым простирались девственные альпийские луга с войлочными юртами скотоводов-кочевников. До перевала остава-

лось несколько километров пути.

– Остановите вот тут. – Пассажир положил на приборный щиток стодолларовую бумажку.

– Подождите, куда же вы! – удивился водитель. – Давайте хоть до аила довезу, тут ведь никого нету!

– Спасибо. Меня тут наша машина должна подобрать, мы с коллегой договорились о встрече. – Скуластый прыгнул с подножки и, подхватив объемный баул, помахал рукой.

Грузовик тронулся в путь. Водитель удивленно смотрел, как недавний пассажир спускается с шоссе к высокогорной реке.

– Странный он какой-то... – прошептал шофер, внимательно рассмотрел стодолларовую купюру на свет и бережно спрятал ее во внутреннем кармане. – И чего это его в такую глушь занесло?

* * *

Огромный лагерь беженцев на берегу горной реки жил привычной жизнью. Сотни мужчин спозаранку отправлялись в столицу на поиски работы. Там, на Центральном рынке, еще с советских времен существовала своеобразная «биржа труда», где можно было нанять работников хоть на несколько часов, хоть на месяц. Правда, беженцев с юга приглашали на работу не слишком-то охотно: в столице ходили упорные слухи об их природном хамстве, любви к безделью

и патологической склонности к воровству. К тому же свергнутый президент, который давно уже сидел у всех в печенках, также был выходцем именно из южной части республики. И хотя южане хамили, бездельничали и воровали не больше и не меньше, чем северяне, на работу первых приглашали весьма неохотно, и то на самую неквалифицированную: грузчиками, подносчиками кирпичей, землекопами, кухонными рабочими...

А вот женщины, оставшиеся в лагере беженцев, с самого утра занимались хозяйством: готовили, стирали, убирали. Некоторые умудрились даже организовывать небольшие огороды за лагерем, где выращивали все, от картошки до зелени. Единственным источником воды для всего лагеря была довольно широкая горная река, шумевшая меж камней неподалеку от шоссе. Вот женщины и сновали между юртами и берегом, таская тяжелые ведра с водой, тазы с бельем и кухонную посуду.

На стоящем на сваях деревянном мосту расположилось несколько десятков женщин. Гремели кастрюли, звякали тарелки, шлепало в тазиках мокрое белье; утро начиналось как обычно.

Девушка, сидевшая на корточках у самого берега, стирала в ледяной воде мужские рубахи. Отложив выстиранное белье в таз, она смахнула рукавом халата пот со лба и взглянула в перспективу горной реки. Прямо на нее плыл довольно большой светло-желтый предмет овальной формы.

– Ой, что это? – девушка указала на странный плавучий предмет своей бабушке.

Та выпрямилась, подслеповато прищурилась.

– Может, что-то ценное? – несмело предположила она. – Наверное, какая-нибудь деталь для машины. Надо бы поднять. Может быть, потерял кто-то. А ты иди дедушку позови, может, он что-нибудь посоветует.

Ветер разводил на реке легкую зыбь. Странный овальный предмет, то и дело ныряя среди блестящих ртутных волн, неотвратно приближался к мосткам. Девушка, подхватив таз со стиркой, двинулась в сторону берега.

И тут раздался гулкий взрыв. От неожиданности девушка выронила тазик и обернулась...

Над мостками ослепительно полыхнуло багровым, пунцовое пламя гигантским штопором вкрутилось в серое небо. Мгновение – и в горную речку посыпались обломки дерева, каменное крошево, брызги воды и куски окровавленных тел.

Спустя несколько минут на берегу собрались почти все жители временного поселка. Над водой курился рваный серый дымок. Горная река сплавляла вниз по течению кровавые пятна и обугленные куски дерева. Кто-то убито молчал, кто-то истерически кричал, заламывая руки, кто-то неуверенно призывал спасти несчастных. Впрочем, спасти было некого: всех, кто был на мосту, разнесло на куски взрывом.

Через полчаса к месту трагедии прибыла милиция, врачи и военные – российские саперы из военной базы в столице.

Первые принялись опрашивать свидетелей, вторые – оказывать помощь сердечникам. Саперы же, сразу заподозрив теракт, отправились вверх по реке. Уже ближе к полудню они обнаружили точно такой же светло-желтый предмет, запутавшийся в нависавших над рекой ветвях. Как и предполагали саперы, предмет этот оказался плавающей пластиковой миной...

Глава 3

Весть о страшных событиях в поселке беженцев мгновенно разнеслась по столице. Первыми о ней узнали мужчины, отправившиеся на «биржу труда». Практически все они, побросав с трудом найденную работу, тут же вернулись в поселок. Как и следовало ожидать, беженцы-южане сразу же обвинили во взрыве местных – мол, эти северяне давно нас не любят, только непонятно за что, вот и решили отомстить. Подозрения быстро обрастали самыми невероятными подробностями, и вскоре в поселке беженцев назвали и конкретных виновников взрыва: пастухов из летнего пастбища на Перевале.

Правда, никто из мужчин-южан так и не задался простым вопросом: откуда у нищих безграмотных пастухов может оказаться несколько дорогостоящих пластиковых мин бельгийского производства ценой по полторы тысячи евро и за чем именно им было убивать ни в чем не повинных пожилых женщин?

Как бы то ни было, но уже к обеду из поселка выехали шесть бортовых грузовиков с молодыми мужчинами, вооруженными велосипедными цепями, кастетами, кинжалами и охотничьими ружьями. Грузовики направлялись к кочевничьим войлочным юртам, рассыпанным на изумрудной лужайке. Мужчинами руководила слепая месть, и потому их не

могли остановить ни доводы разума, ни элементарные логические выкладки.

Неизвестно, во что бы мог вылиться погром, если бы грузовики с мстителями не были заблокированы на горном шоссе двумя БТРами местной армии. После долгих переговоров и клятвенных обещаний властей «разобраться и наказать» мужчины неохотно развернулись в сторону лагеря.

И тут их внимание привлекла стоявшая у края шоссе БМП с российской военной базы. Саперы все еще прочесывали район горной реки, но теперь уже с противоположного берега. Жажда мести вновь разыгралась в мужчинах. По толпе поползли слухи – мол, эти русские во всем потакают местным, и плавучие мины, возможно, привезены на этой самой БМП. Кто-то из мужчин вскарабкался на броню. Кто-то потребовал офицера для выяснения обстоятельств. Кто-то достал из-под полы обрез.

У российских саперов был строжайший приказ: ни в какие споры с местными не втягиваться, держаться строжайшего нейтралитета, но по возможности оказывать медицинскую помощь пострадавшим с любой из враждующих сторон. К тому же в чреве боевой машины пехоты было лишь двое военных: замкомвзвода и водитель – все остальные были заняты прочесыванием дальнего берега. Замкомвзвода срочно связался с офицером по рации и, получив соответствующий приказ, принялся тянуть время до возвращения своих. Возможно, все обернулось бы мирно и спокойно, если

бы в толпе не прозвучал случайный выстрел из охотничьего ружья... При звуках выстрела замкомвзвода инстинктивно потянулся к «калашникову», что было воспринято и без того наэлектризованной толпой как агрессивный жест... В замкомвзвода полетели камни, о броню разбились несколько бутылок с зажигательной смесью. Спустя минут десять горящая БМП уже лежала на боку под обрывом, а беснующаяся толпа ринулась по подвесному мосту на противоположный берег горной реки – искать уцелевших саперов.

Лишь предупредительные очереди поверх голов и твердое обещание лейтенанта «применить оружие на поражение» остановили бесчинства. Местная милиция, появившаяся, как всегда, с опозданием, утихомирила толпу, пообещав, что теперь в лагере беженцев будет дежурить постоянная охрана. Мужчины, спрятав оружие, неохотно вернулись в лагерь.

Казалось, на берегу живописной горной реки вновь воцарилось спокойствие. Но спокойствие это, как часто бывает на Востоке, было обманчивым. Ведь новый взрыв мог прозвучать в любой момент...

* * *

События в лагере беженцев имели множество последствий, и первыми их ощутили военнослужащие российской военной базы, расположенной неподалеку от столицы.

Поздней ночью рядом с безмолвным КПП с прожектором над закрытыми воротами остановилась машина с номером российского посольства. Посла уже ждали, и потому лимузин без промедлений пропустили на территорию части. Спустя несколько минут военный атташе, сидя в кабинете командира, щелкал золочеными застёжками портфеля.

– Только что по дипломатическим каналам получено срочное сообщение, с которым я обязан ознакомить вас лично, – с непроницаемым лицом молвил гость. – В связи с последними событиями вам надлежит ввести чрезвычайные меры. Первое – с сегодняшнего дня все увольнительные категорически запрещены. Второе – всем офицерам в случае экстренного выхода с территории военной части следует пользоваться исключительно гражданской одеждой. Но лучше подобное и вовсе исключить. Третье – следует усилить охрану складов с боеприпасами и оружейного парка. То же самое касается и военной техники, которая у вас на консервации. Надеюсь, сами понимаете, почему.

Командир части – полковник, пожилой, матерый вояка – заметно помрачнел. Тут, на российской военной базе, находился огромный склад стрелкового оружия, оставшийся еще с советских времен. Несколько месяцев назад, во время свержения президента, на базу было совершено два нападения. Первый раз неизвестные, используя бульдозер, попробовали проникнуть в оружейный склад, и отогнать их удалось лишь пулеметными очередями. Второе нападение случилось сре-

ди бела дня: толпа громил высадила ворота КПП и попыталась разрушить все в пределах видимости. Однако потоки ледяной воды из брандспойта предотвратили попытки грабежей и погромов.

Теперь, после нападения на БМП российских саперов, можно было ожидать чего угодно...

– Позвольте задать один вопрос, – командир воинской части осторожно откашлялся.

– Прошу вас, – невозмутимо разрешил военный атташе.

– Как вы считаете, взрыв в лагере беженцев – провокация людей свергнутого президента?

– Несомненно. Однако прямых доказательств этому пока нет. Но, думаю, в самое ближайшее время они появятся...

Глава 4

– Гвардии майор Лавров! Слушай задачу. Первое. Во главе группы из трех человек тебе надлежит десантироваться вот в этом районе, – немолодой щеголеватый полковник деловито шелестел картой с грифом Генерального штаба. – Главное условие – полная скрытность. На случай форс-мажора для вашей диверсионной группы предусмотрено легендирование, о котором чуть позже. Но это, подчеркиваю, только на случай форс-мажора. Когда приземлитесь в заданном квадрате, следует немедленно связаться с нами и получить следующее задание.

Предчувствие не обмануло Батяню и теперь: служебная командировка, о которой он недавно размышлял, планировалась как раз в ту самую постсоветскую республику Средней Азии, где недавно вновь начинались массовые беспорядки. Правда, сам смысл задания пока не был озвучен.

Полчаса назад его срочно вызвали в штаб округа. Незнакомый полковник явно из Москвы продемонстрировал сопроводительные документы из Генштаба, после чего провел Лаврова в небольшую комнатку без окон, тщательно заперся изнутри и разложил на столе карты с оперативными планами.

– У вас, майор, конечно же, появилось немало вопросов, – продолжил генштабист. – Готов их выслушать и по возмож-

ности дать обстоятельные ответы.

Батяня откашлялся в кулак.

– А почему такая скрытность, товарищ полковник? Ведь в столице этой республики на законных основаниях существует наша военная база.

– На всех офицеров нашей военной базы, на всех сверхсрочников и даже на всех вольнонаемных у спецслужб бывшего президента существовало весьма обстоятельное досье. Мы это знаем точно, ведь он нам никогда не доверял. После его свержения досье наверняка осталось у его людей. Многие из его соратников до сих пор служат во властных структурах. Так что использовать для спецоперации офицеров с нашей военной базы не представляется возможным. По той же причине мы не можем оформить вам официальную командировку по линии Министерства обороны: все иностранцы, прибывающие в страну, заносятся в специальную базу данных. Особенно это касается россиян. Прибытие трех наших военнослужащих на нашу военную базу сразу вызовет немалые подозрения. Что наверняка затруднит вам потом передвижение по стране.

– То есть некоторые местные силовики, по сути, – скрытая агентура бывшего президента, со всеми вытекающими? – задумчиво уточнил Батяня.

– Вот именно.

Андрей внимательно посмотрел на карту, профессиональным взглядом оценивая район предстоящего десантирова-

ния. Светло-коричневые горные массивы пересекались многочисленными синими жилками рек. Рядом белели небольшие бесформенные пятна – высокогорные ледники. Никаких населенных пунктов вроде бы не наблюдалось, и это радовало.

– А почему именно ВДВ, товарищ полковник? – как бы невзначай поинтересовался Лавров. – Есть ведь еще и спецназ ГРУ, и иные диверсионные структуры... Там ведь тоже люди подготовленные. Прямо джеймсы бонды какие-то!

– Для этого задания нам не нужны ни терминаторы, ни джеймсы бонды, – спокойно парировал собеседник. – Нужны люди, которые вполне могут слиться с толпой. И к тому же мы считаем, что вы подготовлены не хуже спецназа ГРУ. Еще вопросы есть?

– Кто полетит со мной в группе?

– Мы посоветовались и пришли к выводу, что людей вы должны подобрать сами. Ведь одно дело, когда мы знакомы с контингентом лишь по анкетам да по личным делам. А другое – когда вы сами, как командир, берете на себя за них ответственность. Так что выбор за вами... Мы вам полностью доверяем, майор. У вас ведь наверняка есть друзья-десантники и в других гарнизонах, в других военных округах. Берите любого офицера ВДВ... в пределах Российской Федерации.

– А почему именно этот высокогорный район?

Полковник Генштаба задумчиво взглянул на Батяню.

– Майор, вы вообще в курсе последних событий в тех краях?

– Вы про загадочный взрыв в лагере беженцев? – конкретизировал Лавров, прекрасно понимая, куда клонит собеседник.

– Про теракт, – веско поправил генштабист. – И наше высшее руководство, которое запланировало ваше будущее задание, и я лично абсолютно уверены, что это дело рук свергнутого президента. В стране еще остались его люди: все эти бывшие спецслужбисты, полицейские ищейки, головорезы из «эскадронов смерти» и прочие... Эти пойдут на все, лишь бы вернуться к власти. Или как минимум вновь получить доступ к счетам в зарубежных банках, арестованным после свержения диктатора. Так вот, насчет района: по данным нашей разведки, в том числе и аэрокосмической, именно в тех высокогорных районах до сих пор существует несколько баз боевиков, подконтрольных бывшему президенту. Они в основном и хозяйничают в горах. Базы боевиков отлично замаскированы и прекрасно оборудованы. Мы знаем их расположение лишь приблизительно. До этих засекреченных баз придется добраться. Но это – потом. Сперва вам следует удачно десантироваться и после этого тут же выйти на связь.

– Не совсем понимаю причину такого внимания... Взрыв в лагере беженцев?

– Чего уж непонятного, – хмыкнул полковник. – Во-первых, бывший президент в свое время наобещал нашему ру-

ководству золотые горы. И обманул нас, как и водится. А такое не прощают. Во-вторых, через высокогорные районы в Россию осуществляется наркотрафик из Афганистана, и во власти этого Александра Арзибековича увеличить его многократно. В-третьих, как вы сами сказали, – у нас там военная база, и никто не знает, к каким последствиям могут привести массовые беспорядки. О нападении на БМП наших саперов вы, несомненно, слышаны. Так же как и о попытках грабежей наших военных складов на территории базы несколько месяцев назад. Ну а в-четвертых – и это самое главное, – наши аналитики детально просчитали, что все эти теракты – только начало крупномасштабных действий. Дальше – дестабилизация обстановки в регионе, хаос, погромы... Лучше и не думать, во что это может вылиться. Так что разумней предвидеть ситуацию и попытаться держать ее на контроле.

– Легендирование на случай форс-мажора? – Лавров перешел к конкретике.

– Лучше, конечно, всех этих форс-мажоров избегать, – вздохнул собеседник. – Однако на случай каких-нибудь непредвиденных ситуаций предусмотрено следующее: вы российские геологи, работающие по контракту с правительством Казахстана, ненамеренно пересекли границу в районе гор. В горах, по сути, граница весьма условная, а наша небольшая геологическая экспедиция в настоящее время действительно работает в Казахстане, по ту сторону грани-

цы. Все необходимые документы получите перед вылетом. – Генштабист аккуратно сложил бумаги в портфель, давая тем самым понять, что инструктаж закончен.

Лавров бесстрастно смотрел на полковника – мол, какие еще будут указания?

– Пока отдыхай, набирайся сил, – неожиданно улыбнулся офицер Генштаба. – Тот норматив, который ты сдавал на днях, – просто легкая разминка по сравнению с тем, что тебя ожидает. Там ведь наверняка будут двуногие существа пострашней овчарок. Но мы все очень надеемся на вашу группу, майор...

...Следующие сутки Батяня провел в размышлении: кого определить в диверсионную группу. Требовался, во-первых, опытный специалист по связи, во-вторых, военврач, в-третьих, стрелок-водитель. Хотя сам Лавров и был специалистом широкого профиля, однако профессионалы в таком деле никогда еще не вредили. Для потенциальных участников диверсионной группы немалое значение имели альпинистские навыки, знание реалий той самой среднеазиатской республики, где предстояло выполнение деликатного задания, а также семейное положение: офицеры с детьми или те, у кого были старенькие родители, исключались Лавровым по определению.

Сперва Батяня составил весьма обширный список десантников, которых хорошо знал и на которых мог рассчитывать. С одними он был знаком еще со времен учебы в Рязанском

военном институте ВДВ, с другими подружился в «горячих точках», третьи приглянулись ему на учениях...

Майор размышлял, вычеркивая или вновь восстанавливая вычеркнутые фамилии едва ли не сутки. Наконец составил окончательный список.

Старший лейтенант Алексей Комаровский идеально подходил на роль связиста. Этот офицер не только отличался отвагой и навыками разумного риска. Комаровского не зря называли «хакером» – по навыкам компьютерной криптографии ему, наверное, не было равных во всем военном округе, даже среди штабных офицеров-программистов. Кроме этого, старлей относился к редкой популяции «коротковолновиков» и к тому же мог собрать передатчик из любого радиолома. Служил Алексей в том же самом военном городке, что и сам Батяня.

В качестве врача диверсионной группы Лавров избрал капитана Равиля Мубаракшина. И не только потому, что это был медик от бога. Жена Равиля как раз и происходила из той среднеазиатской республики, где спецотряду предстояла непростая спецоперация, и татарин Мубаракшин неплохо знал не только тамошние реалии, но и язык страны. Да и Лавров был на сто процентов уверен в Равиле: два года назад они вместе мерзли на заснеженном горном перевале в Дагестане. Правда, теперь Мубаракшин служил где-то под Смоленском, но это ничего не меняло.

Ну а в качестве водителя (а также разведчика и снай-

пера, если потребуется) Батяня остановился на кандидатуре прапорщика Иннокентия Седых. В этом потомке сибирских охотников-промысловиков удивительным образом сочетались природная лихость, невероятные снайперские способности, навыки следопыта и таежная основательность. Да и с самим Кешей майор Лавров был знаком лет двадцать. Прапорщик Седых теперь вроде бы находился в отпуске дома, но его в любой момент можно было вызвать сюда.

Утверждение кандидатур у полковника Генштаба было скорее пустой формальностью: ведь окончательный выбор оставался за Батяней. Офицеров-десантников собрали меньше чем за сутки. Инструкция генштабиста была короткой: мол, поступаете в оперативное подчинение гвардии майора Лаврова. Форма одежды – горный камуфляж плюс комплект очень теплой «гражданки». Вооружение – штатное плюс спецназовский пистолет-пулемет «кедр» плюс двойной запас продовольствия и боеприпасов. Альпинистское снаряжение и вся сопутствующая высокогорная амуниция – обязательны.

После короткого «есть!» десантники споро напялили на себя бронежилеты с встроенными подсумками для запасных автоматных магазинов и накинули на плечи утрамбованные рюкзаки. И лишь когда группа специального назначения разобрала маркированные парашюты, майор Лавров привычно встал во главе группы и скомандовал:

– Отряд, к борту бегом марш!

Группа, пробежав метров сто по полю военного аэродрома, исчезла за откинутой рампой транспортного самолета «Ил-76», именуемого на жаргоне ВДВ «скотовозом». Едва десантники разместились на откидных сиденьях вдоль борта, как герметичные створки хвостовой аппарели, влекаемые автономной гидравликой, отрезали гулкий салон многотонного «скотовоза» от внешнего мира.

Через несколько минут надсадно завывали реактивные турбины: транспортник замер на месте, нервно дрожа многочисленными дюралевыми консолями и лонжеронами. Еще секунда, и самолет резво рванулся вперед, неумолимо набирая обороты, шасси оторвались от бетонных плит, и огромный лайнер стал стремительно набирать высоту...

Глава 5

«Бывший диктатор»... Казалось, еще вчера у такого человека было все: финансовые рычаги, возможность влиять на судьбы миллионов людей, а главное – полнейшая уверенность в собственной безнаказанности. И все потому, что государство, которое ты возглавляешь, давно уже считается твоей частной собственностью – вместе с городами, поселками и абсолютно бесправным местным населением, которое, как тебе ежедневно докладывают, любит тебя горячо и беззаветно. И вот в один прекрасный момент выясняется, что все это не так: большинство зарубежных банковских счетов арестовано, возможности влиять на судьбы миллионов больше не наблюдается, а уверенность в собственной безнаказанности сменяется липким страхом перед возможным Международным трибуналом в Гааге. Да и население городов и деревень, оказывается, не просто не любит своего президента, как тебя ошибочно информировали, а ненавидит...

...Бывший диктатор лежал в огромной джакузи с горячей водой, среди пушистых облаков вспененного шампуня. Слева, на бортике, возвышалась бутылка виски «Chivas Regal» двадцатипятилетней выдержки, по триста евро за бутылку. Рядом с бутылкой завлекательно поблескивала хрустальная рюмка, наполненная до краев. Между бутылкой и рюмкой блеснул мобильник в платиновом корпусе, усыпанном мел-

кими сапфирами.

Вот уже третий месяц свергнутый президент среднеазиатской республики был вынужден жить в специально снятой гостинице на берегу Красного моря. И хотя тут, кроме него самого, близких родственников и наиболее проверенных соратников, никого больше не было, диктатор чувствовал себя предельно неуютно. Его не радовало ни теплое солнце, ни ласковые волны, ни показной азиатский гламур: ведь все это не шло ни в какое сравнение с изощренной роскошью, принятой когда-то в его президентском дворце.

Правда, у бывшего диктатора были свои планы возвращения к власти, и планы эти, с его точки зрения, выглядели очень даже осуществимыми...

Выпив рюмку виски, купальщик принялся вертеть в руках мобильник. С самого утра он ожидал одного очень важного звонка, который многое мог прояснить. Человек, на которого бывший президент очень рассчитывал, вот уже вторую неделю находился на его бывшей родине с весьма деликатным поручением. Однако почему-то не давал о себе знать уже пятый день...

В дверь осторожно постучали.

– Папа, – слышался снаружи баритон Адилбека. – Тебя спрашивают, что-то срочное. Телефон принести?

– Неси, конечно!

Купальщик поспешно поднялся; рюмка с виски свалилась в воду, однако экс-руководитель страны не стал ее подни-

мать. Даже не смывая пену, он накинул халат и, напустив на лицо начальственное выражение, открыл дверь.

Адилбек – невысокий, мордатый, с хитрыми узкими глазами и тройным подбородком – удивительно напоминал отца. Они были схожи, как два экземпляра одной и той же книги: свежий и подержанный. Так что, глядя на отца, вполне можно было догадаться, каким станет сын через двадцать лет...

– Алло... – произнес в трубку экс-руководитель страны.

– Александр Арзибекович? Здравствуйте.

– Ну, Чингиз, наконец-то! – от нетерпения свергнутый диктатор даже переложил телефонную трубку из правой руки в левую. – Ты почему, засранец, меня волноваться заставляешь? Почему на мобилу не звонишь?

– Извините, не было такой возможности, – с подчеркнутой вежливостью ответил Чингиз. – Сами понимаете, правительственной связи у нас больше нету. Вот и приходится шифроваться, изыскивать такие способы связи, которые никогда не определяют ваши недруги. А на ваш личный мобильник звонить нельзя, сами понимаете.

– Ну, что там у тебя? Получилось, как и задумывали? – нетерпеливо перебил бывший президент.

– Еще как! Сегодня по телевизору, думаю, обязательно покажут. Может, и в Euronews с CNN.

– Дожили... Я, как законный глава государства, должен узнавать новости из своей собственной страны от каких-то

сранных европейских каналов! – искренне засокрушался диктатор в изгнании. – Ты все сделал как надо? Я о видео и обо всем остальном...

– В лучшем виде, господин президент! – по-военному четко молвил абонент. – Как и договаривались.

– Ладно, верю... Когда тебя ждать?

– Через два дня. Придется возвращаться окольными путями: сперва Ташкент, потом Анкара... Как преданный вам человек, я не хочу засветить ваше теперешнее местожительство.

– Твоя преданность будет вознаграждена. Ты меня знаешь. Все, жду, до встречи, как появишься, сразу ко мне. – Александр Арзибекович нажал кнопку отбоя и сунул трубку сыну.

Звонок заметно поднял настроение бывшему главе государства. Отхлебнув виски прямо из бутылки, он нетерпеливо прошелся по ванной, роскошью и размерами напоминавшей президентский зал совещаний.

– Кажется, Адилбек, все у нас получается... – пробормотал он, обращаясь к сыну.

– Что, папа?

Неожиданно Александр Арзибекович возбудился до невозможности и закружил по ванной.

– А ты думал, я пальцем деланный? Что только бешбармак готовить умею? Если меня, законно избранного президента, свергла какая-то кучка экстремистов, купленных на грязные

доллары Москвы и Брюсселя, то я оставляю это просто так, без последствий? Что у меня своих мозгов нету? Или я такой тупой, не могу придумать долгоиграющий план?

Адилбек смотрел на отца с немым укором. Спиртное всегда действовало на Александра Арзибековича непредсказуемо. Полгода назад, будучи на международном азиатском саммите, отец после подписания какого-то выгодного договора напился до невменяемости и принялся швыряться с балкона бутылками в автомобили гостей. Скандал удалось замять (вину взял на себя один из охранников), однако все прекрасно поняли, чьих рук это дело...

– Что за план, папа? – осторожно поинтересовался сын.

Бывший диктатор уселся на бортик джакузи, от души приложился к бутылочному горлышку; янтарная влага потекла по подбородку.

– Все очень просто. Сколько у нас заморожено зарубежных счетов? Только в Швейцарии – примерно на шесть с половиной миллиардов. А ведь есть еще Германия, Австрия, Кипр... и так далее. Не считая разных интересных акций. Сколько недвижимости арестовано? – Александр Арзибекович принялся загибать толстые пальцы, украшенные драгоценными перстнями. – Ницца, Майами, Коста-Браво, Париж, Цюрих... То есть, с одной стороны, все это наше, а с другой – мы не имеем права всем этим пользоваться.

– А как суметь? – Адилбек непонимающе смотрел на отца.

– Беспорядки, – заговорщицки подмигнул бывший прези-

дент. – Невероятные по масштабам массовые беспорядки. С погромами, кровью и многочисленными трупами. Беспорядки, которые при удачном стечении обстоятельств смогут перейти в полноценную гражданскую войну. Повод уже есть: взрыв в лагере беженцев на севере...

– Чингиз? – догадался сын.

– Естественно, – с подкупающей откровенностью ответил Александр Арзибекович, но тут же поправился, – то есть это, конечно же, дело рук экстремистов-северян. Они ведь наших, с юга, никогда не любили... Наши ребята терпеть этого не будут, ты ведь сам знаешь. Наверняка ответят ударом на удар. И пошло-поехало...

Несмотря на обилие выпитого, бывшему диктатору трудно было отказать в логике. Одного только взрыва в лагере беженцев-южан было достаточно, чтобы обоюдные волны всеобщей ненависти и страха схлестнулись друг против друга. Правда, теперь этим волнам еще следовало придать направление, определить берега и поставить цели. Ведь любой топор войны должен быть тяжел, бритвенно наточен и точно направлен. Безудержную ярость следовало превратить в испепеляющий протуберанец войны всех против всех.

– ...и вот, представь: сожженные машины, раздувшиеся мертвецы на улицах, голод, болезни и эпидемии. Отсутствие продуктов. Отравленные колодцы. Блокированные дороги. То есть то, что принято называть гуманитарной катастрофой. А дальше находятся добрые и авторитетные люди... и в

России, и в структурах Евросоюза, – как ни в чем не бывало продолжил свергнутый диктатор, – которые сперва шепотом, а потом уже в открытую говорят: единственный человек, который способен восстановить порядок в стране, – это я. А для этого придется как минимум разморозить и банковские счета, и снять арест с недвижимости и всего остального...

– Те добрые люди будут лоббировать наши интересы не бесплатно, я так понимаю? – Адилбек внимательно следил за рассуждениями отца, с каждым словом все глубже и глубже проникаясь его убийственной логикой.

– Придется кое-чем поделиться, – сквозь зубы согласился бывший президент. – Но, как ты понимаешь, лучше потерять небольшую часть и сохранить целое, чем лишиться всего и сразу. Ничего, потом наведем!

– А если Евросоюз и Россия предпочтут остаться в стороне? – осторожно предположил сын.

– Значит, надо сделать так, чтобы не остались, – все больше воодушевляясь, ответил свергнутый диктатор. – Я не сомневаюсь, что некоторые радикально настроенные экстремисты могут разгромить посольства этих стран. Да и так называемые русскоязычные тут у многих давно в печенках сидят... Хотели так называемую свободу? Вот она во что выливается: в трупы, погромы и кровь. Железом по стеклу! Главное – не упустить время и все время нагнетать, нагнетать обстановку... В горах, ближе к китайской и к казахской границе, осталось еще немало наших людей... которые помогли

Чингизу. И дальше будут помогать.

– А если Чингиз сболтнет лишнего?

– Не сболтнет. У меня там двойной контроль! Забыл про Абуталипа?

– Папа, извини, но мне кажется, что твой Чингиз – негодяй, – Адилбек поморщился, будто от зубной боли.

– Главное – что он управляемый негодяй! – авторитетным тоном поправил отец. – Один управляемый негодяй – хорошо. А когда их целая банда – это просто замечательно! – молвил Александр Арзибекович, мельком взглянул на бутылку и, определив, что она пустая, кивком распорядился принести еще.

Пока сын ходил за виски, бывший диктатор вновь улегся в джакузи, включил теплую воду и задумался...

Теперь, после звонка Чингиза, перспективы вернуть потерянное выглядели куда более реальными, чем еще несколько часов назад. Смежив веки, свергнутый президент сразу же представил лица всех этих оппозиционеров-экстремистов, заставивших его столь позорно бежать из страны. И хотя большинство личных врагов диктатора в совершенстве владели несколькими европейскими языками, имели ученые степени и справедливо считались национальной элитой, в представлении Александра Арзибековича они были какими-то шайтанами с рогами и копытами, достойными лишь того, чтобы ежечасно избивать их чем-нибудь тяжелым. Не выдержав, пьяный купальщик принялся колотить по краю

джакузи с такой силой, словно бил по лицам своих личных врагов...

...Адилбек, придерживая в одной руке очередную бутылку спиртного, а в другой – две рюмки, удивленно остановился у двери ванной и прислушался. Изнутри слышался ритмичный стук, будто бы кузнец уверенно и несильно бил по раскаленному куску железа.

* * *

Тент уличного кафе шелестел над пластиковыми столиками, словно опрокинутый парус. Пирамидальные тополя отбрасывали на тротуары равномерные тени. Улица Акына Усенбаева была пустынной, однако Чингиз на всякий случай поправил большие, в пол-лица, солнцезащитные очки и уселся к тротуару вполоборота так, чтобы наблюдать за происходящим рядом.

За открытым окном кафе калились на плите джезвы. Пряный аромат сочился из медных отверстий. Щеголеватый официант разлил чернолаковую горячую струю в чашку и принес кофе единственному посетителю.

Чингиз лениво пил кофе, курил и размышлял. А подумать было о чем...

Последний телефонный разговор со свергнутым диктатором его насторожил. Нет, внешне все выглядело замечательно: и показательные похвалы, и взятое с Чингиза обещание

сразу же связаться с патроном по возвращении из Средней Азии... А вот фраза «твоя преданность будет вознаграждена» очень уж не понравилась Чингизу. Кто-кто, а он, знавший Александра Арзибековича еще в те времена, когда тот был бригадиром пастухов в нищем колхозе, прекрасно понимал, что все это может значить...

Повод для гражданской войны был налицо – взрыв в лагере беженцев. И теперь непосредственный организатор вполне мог сделаться ненужным. Да и зачем заказчику лишний свидетель? Отправься Чингиз в гостиницу к президенту – и никто не даст гарантий, что через час его не выбросят с катера в Красное море с пудовой гирей на ноге.

Правда, оставался один момент, на который сам Чингиз очень рассчитывал. Ответственность за теракт должен был взять на себя «Союз за стабильность» – тайная боевая организация, якобы созданная северянами для противодействия беженцам с юга. Естественно, такого союза никогда не существовало. Однако видеосъемка, предусмотрительно сделанная Чингизом, должна была убедить мировое сообщество (через прикормленных журналюг, как евросоюзовских, так и российских), что в охваченной смутой стране появилась довольно серьезная и хорошо законспирированная структура с экстремистскими целями и радикальными методами ведения своей политики.

Сам же механизм появления и видеозаписи, и экстремистской структуры был очень простым.

Выйдя из кабины попутного грузовика, Чингиз спустился к горной речке и дождался напарника Кунана Латыпова (сам-то плавучие мины он перевозить побоялся, а вот Латыпов, бывший полковник бывшей службы безопасности, доставил все из горной базы в целости и сохранности). Затем развернул камеру к берегу и, сфокусировав оптику на Кунане, попросил его зачитать обращение «Союза за стабильность». Мол, сейчас я запускаю плавающие мины вниз по реке, к лагерю этих воров и оборванцев, и это только цветочки – если южане не уберутся к себе, им будет еще хуже. Латыпов, прикрыв нижнюю часть лица широким платком, послушно зачитал обращение, после чего аккуратно отправил плавающие мины по течению.

Вот тут-то и произошло самое интересное...

Кунан наверняка думал, что Чингиз выключил камеру, и потому, обернувшись к ней, снял ненужный уже платок с нижней части лица и расслабился. А вот коварный Чингиз камеру не выключил, а потому она бесстрастно зафиксировала некоторые реплики террориста, которые явно не адресовались мировому сообществу. Попади эти кадры в тот же Международный трибунал в Гааге – и дорогой Александр Арзибекович был бы раздавлен; ведь там практически открытым текстом сообщалось и о том, кто непосредственный заказчик взрыва в лагере беженцев, и для чего все это спланировано.

Таким образом, теперь у Чингиза были две версии одних

и тех же событий, зафиксированных на видео. Первая – для зарубежных журналистов, тщательно смонтированная и отредактированная. И вторая, «черновая» – полностью разоблачавшая содержание первой...

Вот Чингиз и размышлял, как ему лучше поступить: вернуться к бывшему президенту за «вознаграждением за преданность», попутно припрятав диск со второй версией видеосъемок, или же некоторое время не выходить на связь, чтобы потом попытаться шантажировать этой записью Александра Арзибековича?

Оба варианта имели свои плюсы и минусы. В случае если бы свергнутый руководитель попытался бы избавиться от Чингиза, ему можно было бы заявить открытым текстом: мол, так, мол, и так, дорогой президент, если через сутки я не буду в условленном месте – наступит тебе полный и окончательный кирдык. Запасайся тандырными лепешками, в Гааге азиатская кухня не предусмотрена. Второй вариант сулил куда больше выгод, но и выглядел намного рискованней: исчезнуть «с концами» и попытаться каким-нибудь хитрым способом шантажировать этой записью бывшего руководителя страны. Однако над этим способом следовало хорошенько подумать.

Впрочем, был еще один вариант: ничего не предпринимать и ждать дальнейшего развития событий. Ведь теракт в лагере беженцев-южан, ответственность за который взял на себя «Союз за стабильность», был только началом широко-

масштабной операции.

Размышления Чингиза прервал сигнал мобильного. На телефон пришло смс вполне невинного свойства: «Забыл ключи привези через час на дачу». Номер абонента был засекречен, но это ничего не меняло: Чингиз прекрасно знал и отправителя смс, и тайный смысл послания.

Усевшись за руль огромного черного джипа с эмблемой международной гуманитарной миссии на водительской дверце, Чингиз развернулся и направил машину в сторону кольцевой, где через час ему предстояло встретиться с Кунаном Латыповым.

Глава 6

Лавров сидел у иллюминатора и поглядывал на облака. Будущая спецоперация, какой бы сложной она ни казалась, не вызывала у Батяни ни тревог, ни волнений. Но вовсе не потому, что он был заранее уверен в успехе. Просто Лавров профессионально оценивал возможности своей диверсионной группы и не находил в ней никаких слабых мест.

А чего волноваться? В людях он уверен, не первый год знают друг друга. Вся троица прекрасно подготовлена плюс немалый боевой опыт. Никто не замечен ни в трусости, ни в малодушии. Правда, операция предстоит в горах, в условиях совершенно незнакомой местности. Неизвестно, сколько времени все это дело продлится и какими окольными путями придется возвращаться домой. Однако инстинкт окопного бойца давно уже научил Батяню великой истине: на войне не только дурак строит долгие планы на будущее. На войне главная задача – пережить нынешний день.

Напряженно гудели мощные двигатели. Транспортник уверенно прошивал облака. В чреве самолета было холодно, и десантники натянули перчатки, надели капюшоны камуфлированных комбинезонов. Самолет был в воздухе уже четвертый час – по подсчетам Лаврова, он уже подлетал к точке выброса.

И действительно – вскоре по металлическому трапу пи-

лотской кабины спустился черноволосый летчик. Подойдя к огромному люку, он привел в движение гидравлику изогнутых створок хвостовой аппарели, предварительно закрепив себя страховочным поясом.

– У вас там небольшая платформа на грузовом парашюте, – напомнил он, силясь перекричать гул двигателя.

– Знаю! – крикнул в ответ Батяня. – Когда наш квадрат?

– Через минуту прыгаете! – ответил летчик. – Успехов вам, мужики!

– К черту! – скупно улыбнулся майор.

Сперва из аппарели выбросили платформу на грузовом парашюте. Следом за ней десантировался старлей Комаровский. Затем – прапорщик Седых и тут же – капитан Мубаракшин. Последним, как и положено по инструкции, прыгал командир группы. Подойдя к аппарели, Лавров взглянул вниз, подставляя лицо под поток ледяного ветра. Под брюхом самолета простирались величественные горы с заснеженными вершинами.

Оттолкнувшись от стального порога, Батяня тут же зафиксировал боковым зрением, как транспортник в бирюзовом небе с невероятной скоростью удалился. Ледяной поток завертел парашютиста, и на какой-то миг он потерял пространственную ориентацию, однако спустя несколько секунд за спиной послышался шорох шелка, и над головой громко хлопнул раскрывшийся купол. Лавров ощутил, как все его тело встряхнулось, будто чьи-то невидимые руки, взявшись

за плечевые лямки, неожиданно замедлили свободное падение; легкая резь в области паха дала понять, что ремни были подогнаны не плотно.

Поморщившись, Батяня схватил обеими руками устремленные вверх стропы и попытался осмотреться: внизу простиралось обширное каменистое плато. Горный ветер уже разбросал десантников – купола белели на расстоянии нескольких километров от Лаврова.

Единственное правильное решение в подобных случаях – управлять спуском при помощи строп. Батяня был опытным парашютистом – имел более тысячи прыжков. И потому ему не составило большого труда сориентировать приземление на небольшую пологую возвышенность посередине плато.

Ощутимый удар в пятки пронзил его тело миллионами невидимых иголок, и уже спустя минуту майор Лавров, завалившись набок, погасил купол. Отстегнул металлические карабины крепления и осмотрелся...

Каменистое плато, куда десантировался Батяня, находилось среди белоснежных, никогда не тающих снегов. Плато, полого подымаясь к горным вершинам, терялось среди облаков, неторопливо ползущих среди заснеженных скал. Воздух был разреженным, и Лавров сразу понял: дыхания на длительные переходы его отряду явно не хватит.

Неожиданно за спиной послышался шорох и хруст снега. Лавров обернулся. Перед ним стоял прапорщик Кеша Седых.

– С приземлением, командир! – улыбнулся Иннокентий.

– И тебя, – Батяня тщательно скручивал парашют. – Где остальные?

– Грузовая платформа во-он за той скалой, – указал Седых. – Старлей наш первым прыгал, кажется, его немного в ту сторону отнесло. А где капитан Мубаракшин, даже не знаю. Ты ведь сразу за ним пошел, неужели его купола не видел?

– Сейчас узнаем... – Лавров извлек портативную рацию и настроил ее на нужную волну. – Позывной Батяня, кто меня слышит?

Леша Комаровский отозвался сразу же. Его действительно отнесло за километр от нужного квадрата. Уточнив координаты по спутниковому навигатору, он пообещал вскоре прибыть к общему месту сбора. А вот Равиль почему-то не отвечал, и это тревожило...

– Ты его парашют видел? – Лавров обернулся к Седых.

– Да нет, еще раз тебе говорю! Я ведь вторым пошел, после Комаровского...

– Будем искать, – майор поджал губы. – А ты пока сходи к платформе, если точно заметил, где она приземлилась! Потом с Лешей свяжись, скажешь, что место сбора там. Если что – я на связи.

Иннокентий, оставив вещмешок, осторожно двинулся в сторону массивной скалы, высившейся неподалеку. А командир группы, еще раз внимательно осмотревшись, решил спу-

ститься вниз по плато: по всей вероятности, Мубаракшин, скорее всего, приземлился где-то там.

Холод давал о себе знать. Дыхание перехватывало на вдохе. Ледяной горный ветер шлифовал скулы, высекал из глаз невольные слезы. Осторожно спускаясь по заснеженным камням, Батяня то и дело пытался связаться с Равилем по радиации, однако тот по-прежнему не отвечал.

Пройдя метров семьсот, Лавров остановился: плато разрезала широкая расщелина. Десантник остановился, размышляя, куда лучше пойти – направо или налево. И тут до слуха Батяни долетело негромкое, но отчетливое постанывание. Лавров лег на живот и, стараясь не скользить по обледеневшим камням, осторожно подтянул тело к самому краю обрыва...

На дне ущелья, среди невысоких сугробов, ртутно блеснул ручей, серела россыпь огромных камней. Парашютный купол на берегу ручья сразу же привлек к себе внимание. Купол этот то и дело надувал ветер, и, казалось, его в любой момент может снести в сторону. Рядом лежал человек в горном камуфляже, это был капитан Мубаракшин. Даже отсюда, с высоты, заметно, что на белом снегу расплывается бесформенное алое пятно. Видимо, Равиль попал в так называемую воздушную воронку – явление очень распространенное в горах. Парашютиста, попавшего в нее, не спасают ни амуниция, ни опыт – воздушные завихрения просто крутят его вокруг своей оси. Тут уж остается лишь надеяться, что

парашютные стропы не запутаются да купол не зацепится об острый край скалы. Так что капитану Мубаракшину, который к тому же не был профессиональным парашютистом, а штатным врачом ВДВ, еще повезло: порыв ветра просто снес его в расщелину...

– Равиль! – крикнул Батяня. – Ты меня слышишь?

К счастью, Мубаракшин отреагировал сразу. Приподнявшись на локте, он поднял руку – мол, слышу.

– Оставайся на месте, я сейчас!

Расщелина была не слишком глубокой – метров пятнадцать. Искать пологий спуск просто не было времени: ведь командир отряда не знал, в каком состоянии находится его товарищ. Альпинистский шнур и все необходимое снаряжение лежали в рюкзаке Лаврова, и опытный десантник прекрасно умел с ним управляться. Связавшись с Седых, чтобы сообщить о случившемся и передать свои теперешние координаты, Батяня споро вогнал в скалу стальную скобу, зафиксировал на ней карабин с альпинистским шнуром... Подумав, он решил не брать с собой ни «кедр», ни бронежилет, ни тем более рюкзак – ведь шнур вряд ли бы выдержал такую тяжесть.

Спуск получился куда сложнее, чем рассчитывал Лавров. Резкие порывы ветра раскачивали его, словно тряпичную куклу; несколько раз десантник ударился коленом о выступ скалы. К счастью, длины шнура оказалось достаточно, чтобы Батяня без проблем спустился на дно расщелины. Утвердив-

шись рифлеными подошвами на скользких камнях, десантник определил движение к Мубаракшину.

И тут же замер... Где-то сзади-сбоку донеслось выразительное звериное рычание. Рука Лаврова инстинктивно потянулась к правой голени, где в прикрепленных к ноге ножнах лежал десантный стропорез. Рифленая рукоять утонула в массивном кулаке Батяни. Осторожно, стараясь не делать резких движений, он обернулся.

Метрах в двадцати от него возвышалась огромная пятнистая кошка. Длинный хвост нервно подрагивал, хищные зеленые глаза смотрели на человека с презрением и ненавистью. Кошка стояла на высоком плоском валуне и, казалось, могла броситься на майора Лаврова в любой момент.

Батяня отступил назад, прижавшись спиной к скале. Мгновенный выброс адреналина стеганул по нервам, словно плеть, однако десантник тут же взял себя в руки и с профессиональной быстротой оценил ситуацию. Равиль, лежащий рядом с раздувающимся парашютом, был метрах в десяти от зеленоглазого хищника. Сам же Лавров находился куда дальше от зверя. К тому же Мубаракшин был травмирован, и запах свежей крови наверняка щекотал обоняние огромной кошки. Несомненно, раненый был для нее более предпочтительной жертвой, чем Лавров...

Сжимая в руке стропорез, Батяня шагнул вперед. Под подошвами хрустнул наст, зашуршали и покатались со скалы мелкие камешки. Зеленоглазый хищник уже агрессивно

смотрел в сторону Мубаракшина, однако внезапный маневр человека с ножом заставил его спрыгнуть с валуна и обернуться к Лаврову. Теперь животное стояло почти по брюхо в снегу. Видимо, зверь переживал период бескормицы: кончики шерсти обросли сосульками, сквозь облепленную репейником шкуру торчали ребра.

Командир спецотряда, стараясь не делать резких движений, продолжил движение к животному. Теперь человека и зверя разделяло не более пяти-шести метров. Гигантская кошка прижала к земле гибкое пятнистое тело и изготавилась к прыжку...

Глава 7

Пропетляв по кварталам окраин, черный джип с эмблемой международной гуманитарной миссии выехал за город. Ветер гнал над далекой горной грядой быстрые серые тучки. Слева от дороги простиралась красно-бурая полынная степь, одним своим видом внушавшая уныние. Справа темнели сухие, обломанные кусты чия.

Свернув на проселок, водитель взглянул на часы: до встречи с Кунаном оставалось чуть более двадцати минут. Чингиз намеренно приехал на встречу пораньше: хотя Латыпов и считался опытным спецслужбистом, однако при личной встрече с ним такая предосторожность не будет лишней.

Черный джип вильнул направо и остановился за зарослями. Чингиз на всякий случай поднял капот, разложил инструменты и включил аварийку. Вышел из машины и внимательно осмотрелся. Дорога, ведущая из города, отлично просматривалась: в случае появления какого-нибудь подозрительного типа Чингиз всегда мог исчезнуть среди чии. Закурив, он уселся в машину и в ожидании Кунана включил приемник.

Как и следовало ожидать, все FM-станции до сих пор на все лады склоняли взрыв в лагере беженцев. Террористический акт не вызывал сомнений ни у кого. И хотя никто еще не взял на себя ответственность за взрыв (соответствующее

видео от имени «Союза за стабильность» должно было появиться завтра, после обеда), никто не сомневался, что после этого наверняка последуют массовые беспорядки.

Не успел Чингиз докурить, как взволнованный голос передал экстренное сообщение: два часа назад в одном из горных аилов на севере республики расстреляна свадьба. Число жертв перевалило за десяток, раненых было в несколько раз больше.

– Местные политологи единодушно сходятся во мнении, что это может быть мстью уроженцев юга за недавний взрыв в лагере беженцев, – заключил радиокomentатор.

Чингиз нервно выбросил окурок и тут же закурил новую сигарету – новость прозвучала весьма впечатляюще. Радиокomentатор, смакуя, живописал подробности: сколько погибло детей, сколько женщин, сколько людей находится в критическом состоянии...

Слова о «мести южан» вызвали у него скупую ухмылку: и заказчик, и исполнитель преступления были совершенно очевидны.

– Ну Кунан, ну сука! – только и сумел молвить Чингиз.

Оставалось, правда, неясным: почему экс-руководитель страны поручил эту деликатную акцию именно Латыпову, а не самому Чингизу и какая мифическая «группировка экстремистов-южан» возьмет на себя ответственность за это жуткое злодеяние. Ответ на эти вопросы мог дать только сам Кунан.

И тут Чингиза осенило: а почему бы на всякий случай не сделать видеозапись предстоящей встречи? Ведь Латыпов наверняка разоткровенничается о подробностях, и эта запись может стать очередным компроматом на Александра Арзибековича! А уж такой компромат дорогого стоит... И в Международном трибунале, и в резиденции бывшего президента.

Достав из багажника портативную цифровую видеокамеру, Чингиз аккуратно поставил ее в портфель и прорезал перочинным ножиком небольшое отверстие для объектива. Микрофон направленного действия положил на приборную панель, как бы невзначай прикрыв его «Атласом автомобильных дорог», а портфель поместил на пассажирское сиденье – объективом в сторону руля.

Кунан появился точно в назначенное время. Глядя на Латыпова, вряд ли можно было сказать, что этот человек большую часть жизни отдал государственной безопасности. Широкое лоснящееся лицо чайного цвета, колышущийся, будто грелка, живот, золотые зубы, бегающие жуликоватые глазки – все это делало его скорее похожим на провинциального торгового работника, чем на бывшего полковника некогда одной из самых грозных спецслужб постсоветской Средней Азии. Старенький фургон с разляпистой надписью «Лепёшкисы», то есть «Хлеб», на котором приехал Кунан, лишь подчеркивал это сходство.

Поздоровавшись с доверенным лицом президента, Кунан

Латыпов традиционно справился о делах, здоровье и семье. И лишь после этого перешел непосредственно к делу.

– Обожди, дорогой, сядь лучше сюда, – Чингиз как бы между делом усадил Кунана на водительское сиденье. – А я уж, извини, постою, похожу тут перед тобой – ноги затекли, все время за рулем...

Латыпов, не ожидая подвоха от доверенного человека Александра Арзибековича, послушно уселся на указанное место. А Чингиз, то и дело поглядывая на портфель, стоявший на водительском сиденье, начал беседу с загодя отстроненной фразы:

– Я завтра вылетаю отсюда, послезавтра наверняка увижу Александра Арзибековича. Кунан, скажи честно: расстрел свадьбы, о котором недавно передали по радио, – дело рук ваших головорезов?

– Почему же головорезов? – На широком лоснящемся лице Латыпова расплылась довольная улыбка. – Просто настоящих профессионалов своего дела. Что-то не так?

– То есть они выполняли приказ?

– Конечно!

– Но ведь Александр Арзибекович мне ничего не говорил...

– Это был мой личный приказ. – Кунан окончательно залоснился с лица, и его золотые зубы заблестели торжествующе.

– Самодеятельность? – не понял Чингиз.

– Какая самодеятельность, уважаемый? Здоровая инициатива!

– Твоя?

– Инициатива, конечно же, моя. А исполнение – людей Абуталипа.

Упоминание об Абуталипе заставило Чингиза вздрогнуть. Даже он, весьма приближенный к бывшему президенту человек, знал о нем очень мало. Было известно лишь то, что еще в недавнем прошлом Абуталип возглавлял «эскадрон смерти», занимавшийся похищением, пытками и убийствами любых неудобных режиму людей, и что у него руки в крови даже не по локти, а по плечи. По слухам, Абуталип собственноручно зверски пытал людей, всякий раз придумывая все новые и новые способы издевательств. Теперь этот жутковатый тип со своими приспешниками скрывался в горах и, по слухам, полностью контролировал значительную территорию на севере страны.

Как бы то ни было, ситуация выходила из-под контроля. Здоровый и инициативный идиот, командующий кровавым садистом и его безжалостными головорезами, мог стать серьезным препятствием для задуманного. Теперь, когда Чингиз окончательно утвердился в мысли шантажировать свергнутого диктатора, подобная самодеятельность Кунана, проявившись она и в будущем, могла бы дорого стоить.

Отойдя от машины так, чтобы не быть зафиксированным скрытой камерой в портфеле на водительском сиденье, Чин-

гиз произнес бархатным голосом:

– Я просто уверен, что Александр Арзибекович по достоинству оценит твою инициативу. Но ведь ты остаешься тут, а я вылетаю к нему, правда? И за все, что в его отсутствие происходит в этой стране, отвечаю я, а не ты. Вот он меня и спросит: а как это так получилось, что ты, Чингиз, не контролировал действия полковника Латыпова? Или, может быть, он уже считает себя новым президентом страны... если позволяет себе подобные вещи?

И тут с Латыповым произошла странная вещь. Он начал потеть. Струйки пота потекли из-под черных волос по лбу, по вислomu мясистому носу, по щекам. Они стекали на воротник его светлой куртки, пиджака, и ткань чернела и набухала от этой влаги так, будто его поливали из кувшина.

– Да нет, я ведь хотел как лучше... – невнятно проговорил Кунан.

– Я это понимаю. А главное, верю тебе. От моего слова зависит многое... Но далеко не все.

– То есть... Александр Арзибекович может мне не поверить? – с огромным трудом выдавил из себя Латыпов.

Чингиз понял, что взял слишком круто, и потому заулыбался с неожиданной для Латыпова доброжелательностью.

– Но чтобы тебе поверил и наш дорогой президент, пожалуйста, расскажи мне во всех подробностях о расстреле той свадьбы. Как, из какого оружия, при каких обстоятельствах, кто составлял оперативный план, каково было прикрытие...

Ну, и все остальное. Да что я тебя буду учить – ты ведь профессионал! Я и передам твой рассказ руководителю нашей страны. А от себя добавлю: мол, грамотный и креативный специалист берет на себя не только инициативу, но и всю полноту ответственности...

Рассказ Латыпова был по-восточному обстоятелен. Он не утаил ничего: ни имен исполнителей этого злодеяния, ни их прежних должностей в бывшем Комитете государственной безопасности республики, ни даже маркировки оружия, из которого недавно было расстреляно и покалечено столько людей. Ни, естественно, роли в расстреле Абуталипа.

– ...А чтобы у местных ментов не осталось никаких сомнений, чьих рук это дело, неподалеку от аила мы бросили машину, в которой как бы невзначай оказался паспорт на имя одного из беженцев с юга, – завершил Кунан.

– Паспорт, наверное, украли? – задумчиво предположил Чингиз.

– Э-э-э, зачем украли? – удивился Латыпов. – На Центральном рынке купили. Этим голодранцам-беженцам совсем жрать нечего, они уже своими документами торгуют. Там целую сотню при желании прикупить можно!

– Поня-ятно...

– Думаешь, паспорта мало? – Кунан подобострастно взглянул в глаза собеседника. – Следовало еще что-нибудь подбросить?

– Еще как! Кстати, а на чье там имя паспорт... не пом-

нишь?

– Конечно, помню! – нервно заулыбался Латыпов и, словно предвидя этот вопрос, извлек из внутреннего кармана пиджака блокнот и старательно назвал все анкетные данные, включая номер и серию документа.

– Ладно, Кунан, – порученец свергнутого диктатора сделал приглашающий жест. – Мне кажется, Александр Арзибекович будет тобой доволен, перескажи я ему содержание нашей беседы.

– Такая операция дорогого стоит! – молвил Кунан, явно гордясь собой.

– Конечно, конечно... И что ты теперь собираешься делать?

– Хочу залечь на дно. И ждать, когда Александр Арзибекович выйдет на связь со мной. Тогда и решу, как поступать дальше.

– Все правильно, Кунан. А теперь у меня к тебе несколько вопросов. Давай пройдемся...

Латыпов послушно поднялся с водительского сиденья джипа и подошел к Чингизу. Он знал Кунана уже лет десять минимум: вместе ходили по столичным бардакам, вместе ездили на охоту, вместе пьянствовали в резиденции президента. Даже зарплату и ту несколько лет подряд получали в одном и том же месте. Бывший полковник бывшей госбезопасности не имел никаких оснований не доверять Чингизу.

Президентский порученец по-дружески приобнял Латы-

пова, как бы невзначай отводя его подальше от машины.

– Может быть, у тебя есть какие-нибудь личные просьбы к Александру Арзибековичу? – вкрадчиво начал он. – Мы ведь друзья, а для друзей я сделаю все...

В этот момент рука Чингиза соскользнула с плеча в карман Латыпова и выхватила пистолет. Не останавливая движения руки, Чингиз резким ударом локтя заехал Кунану в лицо. Тот беззвучно завалился за спину Чингиза, однако тот с неожиданной прытью саданул его ногой в живот. Кунан удивленно раскрыл рот и выпучил глаза. По лицу Латыпова текла кровь, он непонимающе смотрел на нападавшего. Следующий удар – рукоятью пистолета в ухо – окончательно обездвижил Кунана. Он дернул головой, захрипел и затих.

Чингиз настороженно осмотрелся. Сухо шелестели заросли чия, невидимые птицы выводили в них рулады. Дорога оставалась пустынной. Чингиз извлек из портфеля камеру, свернул шнур с микрофоном. На всякий случай связал руки Латыпова брючным ремнем, загрузил жертву в багажник джипа. Достал канистру, облил латыповский фургончик бензином, бросил спичку и тут же отскочил в сторону – машина вспыхнула мгновенно. За какую-то минуту фургон был полностью объят пламенем. Контур машины таяли в огне, словно кусок рафинада в стакане.

Усевшись за руль, Чингиз неторопливо покатыл по проселку. Еще по дороге сюда он заприметил заброшенный заводик стройматериалов с глубокими ямами для гашения из-

вести. Любая органика растворяется в карбиде за считанные часы, и идентифицировать останки в подобных случаях не представляется возможным.

Солнце неумолимо лезло вверх. Салон машины раскалился – кондиционер не спасал. В духоте салона запах кожаной обивки дурманил. Водитель то и дело промокал лицо бумажной салфеткой. Белоснежная сорочка темнела под мышками и на груди. Неожиданно подал голос Латыпов. Сперва он невнятно хрипел, постанывал, и спустя несколько минут сквозь багажник послышалось:

– Это... Александр Арзибекович приказал меня убить?

– Ага, – ответил Чингиз, даже не обернувшись.

– Так ведь я... свой! Ведь я за него в огонь и в воду! Я самый ценный человек во всей государственной безопасности нашей страны!

– Судьба одного человека, пусть даже и ценного, – ничто по сравнению с исполнением или неисполнением приказа, – напомнил Чингиз очевидное.

Латыпов затих – видимо, все понял. А Чингиз, сосредоточенно глядя на дорогу, уже выстраивал безукоризненный, с его точки зрения, план шантажа свергнутого президента. За последние десять минут план этот окончательно выкристаллизовался в его мозгу.

Ему, Чингизу, не следовало никуда исчезать и тем более выдвигать какие-нибудь требования от своего имени. Роль шантажиста отводилась полковнику Латыпову – уже почти

что покойному. Александру Арзибековичу следовало доложить следующее: мол, он, Чингиз, все сделал правильно. И с плавающими минами, и с видеообращением. Но вот непосредственный исполнитель Кунан Латыпов оказался редкостной сукой и предателем. Обладая конфиденциальной информацией и компрометирующей видеосъемкой, он решил шантажировать единственного легитимного президента, вымогая за видео огромные деньги, – а иначе, мол, все эти записи отправлю в Гаагу. Чингиз уже знал, как можно убедить в этом Александра Арзибековича: грамотным видеомонтажем недавних откровений Латыпова в салоне джипа. Фраз «такая операция дорогого стоит» и особенно «собираюсь залечь на дно и ждать, когда Александр Арзибекович выйдет на связь со мной», смонтированных в нужной последовательности, было более чем достаточно, чтобы убедить и без того подозрительного диктатора в отступничестве бывшего полковника спецслужб.

Что остается в таком случае бывшему президенту? Правильно: приказать Чингизу заняться поисками «залегшего на дно» Латыпова. Иными словами, Чингиз будет искать самого себя – под именем погибшего Кунана. Но кто сказал, что фальшивый Латыпов не сможет перехитрить и Чингиза, и Александра Арзибековича? Вот и придется последнему раскошелиться на весьма немалую сумму. Сам же Чингиз при этом не только получит причитающиеся покойнику деньги, но и сохранит лицо перед экс-руководителем респуб-

лики... А дальше – хоть трава не расти.

Из-за поворота показалась невысокая труба покинутого завода. Черный джип въехал в заброшенный заводской двор, заваленный битыми бетонными блоками, ржавым металлическим ломом и кирпичным мусором. Ямы для гашения извести темнели в самом конце двора.

Чингиз выволок из багажника совершенно обезумевшего Кунана, поставил его на ноги, и, достав из кармана пистолет, легонько вдавил его между лопаток бывшего полковника бывшего КГБ, ориентируя его таким образом в сторону ямы.

– Значит, на дно решил залечь? – вполне доброжелательно уточнил Чингиз. – Сейчас ты мне это и продемонстрируешь...

* * *

Вот уже несколько минут Батяня не сводил взгляда с огромной кошки. Хищник, в свою очередь, изучающим взглядом смотрел на человека. Зеленые глаза убийцы блестя безжалостно. Зверь не торопился с прыжком – видимо, ожидал, когда человек допустит какую-нибудь оплошность. Сжимая стропорез, Лавров неотрывно следил за малейшими движениями животного...

И тут зверь прыгнул! Причем так стремительно, что Лаврову стоило немалого труда среагировать. Однако прекрас-

ная реакция спасла его и на этот раз: в момент прыжка десантник бросился навстречу животному и в перевороте успел выставить над собой нож. Широкое блестящее лезвие вошло в грудину зверя.

Жуткий звериный рык гулким эхом прокатился по ущелью. Смертельно раненный хищник изловчился и успел-таки вцепиться клыками в руку десантника, однако мышцы не прокусил – пострадал лишь камуфлированный комбез. В спешке Лавров выронил стропорез, но тут же вспомнил о метательной финке в заплечных ножнах. Несколько точных ударов – и огромная кошка, конвульсивно дернувшись, затихла. На девственно-белый снег натекала густая бурая кровь. Лавров, осмотрев порванный локоть, склонился к убитому зверю...

А к Батяне уже бежали прапорщик Седых и старлей Комаровский. Видимо, они успели спуститься по альпинистским шнурам как раз в то время, когда Лавров следил за маневрами хищника.

– Кто это? – Алексей Комаровский взглянул на убитого зверя.

– Снежный барс, насколько я разбираюсь в зоологии. – Лавров тщательно вытер окровавленное лезвие финки.

– Ну, ты прямо как Мцыри! – не без восхищения оценил старлей действия майора.

– Если честно, то мне его даже жаль. – Лавров уже двинулся к лежащему на берегу Мубаракшину. – Редкое и очень

красивое животное. В «Красную книгу» занесено.

– Он бы тебя точно не пожалел. – Прапорщик Седых, происходивший из семьи потомственных сибирских охотников-промысловиков, профессиональным взглядом оценил ситуацию. – Еще та зверюга... Молодой, кстати. Видишь, какие мощные клыки?

– На них тут раньше арабские шейхи охотились, специально охотничьи лицензии покупали и в горы из своих эмиратов приезжали, – бросил Лавров через плечо. – Читайте Айтматова...

– Может, шкуру с него снять? – поинтересовался Седых.

– И что мне с ней делать? – хмыкнул Лавров. – В нашем гарнизонном кафе «Звездочка» на стене повесить?

Подойдя к лежавшему Равилю, Батяня погасил все еще трепещущий купол его парашюта, отцепил карабин и свернул шелестящий шелк. Мубаракшин был бледным: видимо, уже потерял немало крови. Виновато глядя на Лаврова, он с трудом приподнялся на локте и прохрипел:

– Андрей, ты уж извини меня... Я когда прыгнул, сразу в зону турбулентности попал. Завертело, я сразу не сориентировался, а когда понял, что и к чему, уже было поздно. Понесло, о скалу затылком и спиной ударился, я сознание и потерял... Ну, и сам видишь.

Начало задания выглядело – хуже не придумаешь. Потеряно время, один травмированный, которого к тому же еще предстоит поднять из расщелины на плато. А ведь тот пол-

ковник из Генштаба проинструктировал: сразу же после приземления немедленно связаться с Центром.

– Так, Леша, доставай свои приборы и по-быстрому настраивайся, – в голосе Батяни прорезались командные нотки. – А я сейчас попытаюсь разобраться, что у нас с Равилем...

К счастью, все оказалось не столь серьезным, как могло показаться с самого начала. У Мубаракшина был сильный вывих ступни, перелом трех ребер, несколько серьезных ушибов головой о скалу и, судя по всему, сотрясение мозга. Однако вряд ли его можно было считать полноценным бойцом: Равилю следовало приходить в себя как минимум несколько недель, и желательно под хорошим врачебным надзором.

– Ты же у нас сам доктор, – напомнил Батяня задумчиво. – Что посоветуешь?

– Надо бы заняться самолечением, – спокойно ответил Мубаракшин. – Клиники тут, в радиусе километров ста, явно не предусмотрено.

– Как же ты самолечением собираешься заняться? – удивился командир. – У тебя ведь тут ни гипса, ни спецсредств.

– Пару уколов обезболивающего – и до ближайшего населенного пункта доковыляю, – криво улыбнулся Равиль.

– Давай-ка я тебе раны перевяжу да посмотрю, что там с твоими ребрами, – предложил Лавров.

Тем временем Комаровский уже извлек и настроил АСС,

то есть аппарат специальной связи, состоящий на вооружении элитных диверсионных групп. Этот прибор, напоминающий небольшой нетбук, сочетал в себе свойства спутникового телефона, мощнейшего компьютера с выходом в Интернет, пункта слежения за камерой БЛА и, естественно, спутникового навигатора. Титановый корпус позволял выдержать наезд большегрузного грузовика, а водонепроницаемый корпус делал его пригодным для использования даже в снегу и под дождем. Старлей мгновенно вышел на связь и деликатно протянул командиру наушники с микрофоном.

– Докладывает командир спецгруппы, позывной Батяня, – произнес майор Лавров. – Десантировались в заданном квадрате. Во время приземления один человек получил травмы средней степени тяжести. Пострадавшему оказывается помощь. Мною принято оперативное решение – продолжать выполнение задания. Какие будут указания?

Центр помедлил с ответом, и это не удивляло: никто не мог дать гарантии, что группа Батяни, имея при себе раненого, сумеет быстро и грамотно выполнить приказ. Указания последовали лишь спустя минут десять.

Во-первых, следовало безотлагательно распаковать грузовой контейнер, сброшенный вместе с группой. Среди многих полезных вещей там были полноприводной квадроцикл и беспилотный летательный аппарат. БЛА следовало немедленно запустить в северо-восточном направлении – снабженный онлайн видеокамерой, летательный аппарат вполне мог

зафиксировать одну из баз боевиков свергнутого президента. После обнаружения такой базы майор Лавров должен был немедленно связаться с Центром и доложить о ее координатах, чтобы получить дальнейшие инструкции.

Во-вторых, Равиля Мубаракшина следовало погрузить на квадроцикл и транспортировать до ближайшего населенного пункта, где ему могли оказать квалифицированную помощь. Конечно, для московского руководства этот форс-мажор выглядел неприятным, однако легендирование группы Лаврова в качестве «российских геологов, работающих в пограничном районе соседнего Казахстана», давало некоторые шансы не попасть впросак.

– Так, мужики, ставлю задачу, – Батяня снял наушники с микрофоном, поднялся. – Сейчас мы на специальном подъемнике «лепесток» транспортируем Равиля наверх. Затем разбираемся с грузовым контейнером. Запускаем БЛА, проводим аэрофотосъемку. За это время отдыхаем, обедаем и приводим себя в порядок. Вопросы есть?..

...Уже наверху, перетаскивая Мубаракшина по обледеневшему плато, Лавров вспомнил, что оставил свой стропорез внизу, рядом с убитым барсом. Спускаться, чтобы отыскать его среди снега и камней, не было времени. К тому же у командира было слишком много других безотлагательных дел, и спустя какой-то час он уже позабыл и о потерянном десантном ноже, и даже о недавнем поединке со страшным хищником...

А зря.

Глава 8

Малиновое солнце переваливалось за серый срез тучи. Ласковая волна переливалась всеми оттенками аквамарина. Белоснежные чайки пикировали и подхватывались у самой воды. Роскошная мотояхта, оставляя за кормой ровный пенный след, отходила от небольшого курортного городка на берегу Красного моря. По правому борту медленно проплывали скалы, искусственные сады и белоснежная громада гостиницы, в которой и нашел приют свергнутый диктатор со своей камарильей.

Сам Александр Арзибекович сидел на носу в шезлонге, с напряженным видом цедил виски и слушал сына Адилбека.

– Не понимаю, папа, чего ты так из-за этого дурака Латыпова разволновался? – увещевал Адилбек почти ласково. – Ведь все у нас хорошо: вон, все мировые СМИ уже третий день на ушах. Я сегодня в Интернете смотрел: запрос «Союз за стабильность» занимает первое место по количеству запросов во всех поисковых системах. Значит, все поверили, что такая экстремистская группировка действительно существует и что плавучие мины...

Экс-руководитель страны нетерпеливым жестом прервал монолог сына.

– Ну, появилось это обращение экстремистов на YouTube. Ну, просмотрело его там несколько сотен тысяч человек. Ну,

поверили на какое-то время... Но ведь Латыпов прислал еще одно видеообращение, и притом адресованное не так называемому мировому сообществу, а лично мне, законно избранному руководителю страны. Мол, «на дно залягу», «такая операция дорогого стоит»... Шантажист, а? Ты представляешь, какой чудовищный скандал начнется, если эта запись будет обнародована? На том же YouTube, например. Да нас с тобой местный черножопый президентишка на своем личном самолете в так называемую Гаагу отправит, только бы с Западом и с Москвой отношения не портить!

– Ты же ему лично столько денег дал, – возмутился сын.

– Ну и что? Если он экономические санкции получит – тут жареным может запахнуть!

Официант в матросской форме сменил ставшую теплой бутылку на запотевшую, поправил вазу с фруктами и выгнулся знаком вопроса – мол, еще что-то?

– А что у этого Латыпова конкретного может быть? – Адилбек кивком попросил подавальщика удалиться.

– Все. Ведь те мины вниз по течению он и отправлял. Да и расстрел свадьбы в аиле он организовал.... Вместе с этим тупорылым уродом.

– Ты про Абуталипа?

– А то про кого же еще?

– И чем это плохо? Террористы-северяне из «Союза за стабильность» взорвали каких-то грязных баб в лагере беженцев, южане ответили расстрелом свадьбы. Папа, сейчас

же там резня по полной программе начнется! – Адилбек возбужденно заходил по палубе. – Ты ведь сам этого хотел. А Латыпова бояться не стоит. Подумай, что он скажет? Что является террористом, причастным к массовым убийствам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.